

ДЕЛО ПРАЗДНИЧНОЕ

Заунывная песня в шесть глоток распирала стены зимницы. Сизый сигарочный дым облаком повис от земляного пола до потолка. Была как раз масленица.

Когда четыре порожних посуды уже валялись под столом, а в пятой осталось на доньшке, Василий Пустых, пермяк - соленые уши, захоластный народник, помощник машиниста при лесопильне, окинул всех мутным взглядом и ткнул кулаком по столу. Посудина зыграла и покатила на пол, а бородачи пильщики на минуту приумолкли и сонно, тыкаясь носами, посмотрели один на другого.

И снова затянули песню. Горько морщились и возили бородами по мокрому столу.

Тогда Василий Пустых ткнул кулаком еще крепче и привскочил, пьяно освирепев.

- Рррабы-ы! - взвыл он, выкатывая белки глаз. - Племя ослиное, дери вас черт! Дьяволы вы! Как с вами жить, а?!

Пил он наравне с другими. Управляющего лесопильней, то есть попросту хозяина, и его гостей катал сегодня: запрягшись в розвальни, наравне с другими, чуть ли не в корню шел. И трешницу на пропой управляющий сунул в руки не кому-нибудь, а ему, Василию Пустых.

Кочегар Кири вытарачил не него безбровые глаза. По скопческому лицу Кири расплылось недоумение: чего ради беснуется человек? Сидел себе смирно, рта не раскрывал, будто дремал, и - на вот, надумал!

А Пустых тем разом располоснул на груди рубаху и бил себя кулаком в тощую, маслами просаленную, всю зиму не мытую грудь.

И вопил, срываясь в голосе:

- Ммы!.. М-мещанину трафить?.. Ни-когда! Кто мы?.. Облик наш где? Эх, человеки-и!..

- Мы, Василь Палыч, крестьяне, - начал Карп, виновато мигая глазами. - Обзаведење наше, известно, при земле. А что касаето выпить - праздничное дело, што ж! Где уж нам по книжкам...

Пустых даже зубами скрипнул. Весь перегнулся через стол, к Кире, глаза вылезли на лоб, голос разом охрип.

- Сволочи вы все!.. Слышь? Продажные твари, дьяволы! Тормоз Вестингауза вы... гири на ногах человеческих, вот! Понял?.. И еще скажу... головой, брат, не крути!.. Слушай, я докажу-у!..

Запинаясь за чьи-то ноги, он полез на моргающего Кирию, чтобы доказать.

Но ему помешали.

В зимницу шумно ввалился управляющий с пьяной оравой гостей. Кто-то из них бил в заслонку, кто-то подыгрывал на гармони.

Гикали с присвистом, став в кружок. А в кружке том плясал конторщик Плашкин. Он взмахивал руками и смешно топтался, праздничный белый воротничок на его шее распрыгнулся и повис, болтаясь на одной пуговке через плечо.

- Ребята! - закричал управляющий, красный будто вареный рак, в распахнувшейся шубе. - Реб-бята!.. Полведра даю! Выкатывай еще раз сани! До смерти запою! Н-ну?!

Бороды перестали мести стол. Шатаясь, нестройно поднялись - и все смешалось в один топающий, ревуший клубок и пьяно двинулось из зимницы на волю.

Все ушли.

Остался один Василий Пустых.

В растерзанной рубахе, он долго стоял среди зимницы и горестно покачивал головой. Пол под ногами колебался, как палуба корабля в бушующем море.

На воле гремит заслон, хлипает гармонь, захлебывается песня - и все это куда-то удаляется, затихает.

Стихло.

Тогда Пустых качнулся туда-сюда, икнул, размашистым шагом подошел к столу и пнул его. Стол покатила.

Василий смахнул с лавки чайную посуду, сбил со стены ночник... Пошатываясь, высматривал, что бы еще сделать?

Взял в обе руки полено и не торопясь, деловито стал бить этим поленом по железной печной трубе. Смялась труба, на несколько частей рассыпалась, упала; у потолка на проволоках осталась лишь верхняя часть ее, но Пустых и ее сорвал. Хлестнулся на нары лицом вниз и пьяно завыл, повторяя:

- Мещанину трафить, мы... мы...